

The background of the poster is a dramatic, atmospheric painting of a mountain landscape. In the center, a large, glowing orb, possibly the sun or moon, is partially obscured by dark, swirling clouds. The foreground shows rugged, rocky terrain with some sparse vegetation. The overall color palette is dominated by blues, greys, and yellows, creating a sense of depth and grandeur.

Международная научная конференция

**АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ЭПОХИ РОМАНТИЗМА:
РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

18–19 декабря

Нижегород
2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Литературный институт им. А.М. Горького
Российское байроновское общество

ОРГКОМИТЕТ

Председатель оргкомитета: Королева Светлана Борисовна (председатель), д.ф.н., заведующий НИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Сопредседатель оргкомитета: Халтрин-Халтурина Елена Владимировна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва)

Члены оргкомитета:

Сакулина Елена Александровна, к.ф.н., заведующий кафедрой романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Лебедева Марина Владимировна, к.п.н., декан Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Голубева Кристина Григорьевна, к.ф.н., директор Института русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Муратова Ярослава Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького (Москва)

Шахназарян Наринэ Мартиросовна, к.ф.н., доцент кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета (Минск)

Кашлявик Кира Юрьевна, д.ф.н., доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (Москва)

Келсалл Малколм / Kelsall Malcolm, почетный профессор Кардиффского университета (Великобритания)

Программа конференции

РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ:

доклады на пленарном заседании – 20–25 минут
обсуждение пленарных докладов – 5–10 минут
доклады на секционных заседаниях – 15 минут
обсуждение секционных докладов – до 5 минут

18 ДЕКАБРЯ

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
Н.Новгород, ул. Минина, д. 31 а, корпус III

10:00–10:30	Регистрация участников. Корп. III, холл 2 этажа
10:30–10:40	Открытие конференции (корп. III, ауд. 3217)
10:40–13:40	Пленарное заседание. Часть I (там же)
13:40–14:40	Обед
14:40–17:10	Пленарное заседание. Часть II (там же)

Открытие конференции

10:30, ауд. 3217 (конференц-зал)

Модератор: Светлана Борисовна Королева (НГЛУ)

1. Приветственное слово **Авралева Никиты Владимировича**, ректора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, кандидата политических наук, доцента
2. Приветственное слово **Варламова Алексея Николаевича**, ректора Литературного института, доктора филологических наук, писателя

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. Часть I

10:40 – 13:40, ауд. 3217 (конференц-зал)

Модераторы: Ярослава Юрьевна Муратова (Литинститут)

Светлана Борисовна Королева (НГЛУ)

1. Казнина Ольга Анатольевна, д.ф.н., профессор кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва) *онлайн

Религиозные и мистические источники поэмы С.Т. Кольриджа «Кристабель» Religious and Mystical Sources of S.T. Coleridge's poem *Christabel*

2. Суад Багли Бербар / Souad Baghli Berbar, PhD, доцент кафедры английского языка и культуры Государственного университета Тлемсена (Тлемсен, Алжир) *онлайн

Effects of *The Arabian Nights* on British Romantic poetry / Влияние «Арабских ночей» на британскую романтическую поэзию

3. Яковенко Екатерина Борисовна, д.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук; профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) *онлайн

Город Уитби (Whitby) в английской литературе эпохи романтизма / The space of Whitby in English literature of the Romantic epoch

4. Малколм Келсалл / Malcolm Kelsall, заслуженный профессор Кардиффского университета (Кардифф, Великобритания) *онлайн

Jane Austen and the Ancient Régime. *Quis custodiet ipsos custodes?* / Джейн Остин и «старый порядок». *Quis custodiet ipsos custodes?*

5. Алпатова Татьяна Александровна, д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения (Москва) *онлайн

Русский и английский литературный контекст «Университетской поэмы» В.В. Набокова: диалог с романтизмом / The Russian and English Literary context of Vladimir Nabokov's *University Poem*: a dialogue with Romanticism

13:40 – 14:40 Обед

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. Часть II

14:40 – 17:10, ауд. 3217 (конференц-зал)

Модераторы: Наринэ Мартиросовна Шахназарян (БГУ)

Кира Юрьевна Кашлявик (РУДН)

6. Хади Багаи-Абчуйе / Hadi Baghaei-Abchoooyeh, PhD, лектор Университет Уэльса Тринити Сент-Дэвид, член Академии высшего образования, Университет Суонси (Суонси, Великобритания) **онлайн*

Eastern mystical poetry in the Enlightenment–Romantic dialogue / Восточная мистическая поэзия в диалоге Просвещения и романтизма

7. Шахназарян Наринэ Мартиросовна, к.ф.н., доцент, доцент кафедры зарубежной литературы, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Истоки и жанровые формы драматургии английских романтиков: Колридж, Байрон, Шелли / Sources and genre forms of the drama in English Romanticism: Coleridge, Byron, Shelley

8. Гросс Джонатан / Gross Jonathan, PhD, профессор кафедры английской литературы и культуры, Университет ДеПол (Чикаго, США) **онлайн*

Byron's *Mazeppa* in Western and Eastern Europe / «Мазепа» Байрона в Западной и Восточной Европе

9. Королева Светлана Борисовна, д.ф.н., заведующий научно-исследовательской лабораторией «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Byron's Venice and Pushkin's Petersburg: responses imbedded in la géopoétique of *The Bronze Horseman* / Венеция Байрона и Петербург Пушкина: аллюзии, встроенные в геопозтику «Медного Всадника»

10. Даниэль Джозеф Линдеггер / Daniel Josef Lindegger, Dr, независимый исследователь, член Британского байроновского общества (Великобритания) **онлайн*

Biography and historical context in the Romantic writing of Lord Byron and Louis Aragon / Влияние биографии и исторического контекста на романтическое творчество Луи Арагона и лорда Байрона

19 ДЕКАБРЯ

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Нижегородский государственный лингвистический университет им.
Н.А. Добролюбова

Н.Новгород, ул. Минина, д. 31 а, корпус I и корпус III

Секция 1. Английский романтизм *per se*: современные исследования, новые подходы / English Romanticism *per se*: contemporary studies, new approaches

10:30 – 16:30, ауд. 3217 (конференц-зал)

Модераторы: *Ольга Михайловна Ушакова (независимый исследователь)*

Светлана Борисовна Королева (НГЛУ)

1. Сэм Хирст / Sam Hirst, Dr, лектор факультета непрерывного образования, Ливерпульский университет (Ливерпуль, Великобритания) **онлайн*
Curating legacies at Newstead: Thomas Wildman's impact on Byron's legacy / Кураторство наследия в Ньюстеде: влияние Томаса Уайлдмэна на сохранение наследия Байрона

2. Халтрин-Халтурина Елена Владимировна, д.ф.н., PhD (США), ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва) **видеозапись*
От пассивного восприятия к прото-эпифании: поэтические преобразования в "Гиперионе" Джона Китса / From passive perception to proto-epiphany: poetic transformations in John Keats' *Hyperion*

3. Ушакова Ольга Михайловна, д.ф.н., доцент, независимый исследователь (Ялуторовск, Тюменская область) **онлайн*
Филэллинские ракурсы в поэме «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж. Г. Байрона и рисунках Э. Додвелла и С. Помарди / Philhellenic perspectives in J. G. Byron's poem 'Childe Harold's Pilgrimage' and drawings by E. Dodwell and S. Pomardi

4. Блинова Марина Петровна, к.ф.н., доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета (Краснодар)
Ризоматичность структурной организации поэмы С.Т. Колриджа «Кубла Хан» / The rhizomatic nature of the structural organisation of Samuel Taylor Coleridge's poem *Kubla Khan*

11:50 – 12:30 Кофе-пауза

5. Иванкива Марина Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург) **онлайн*

«Эссе об эпитафии» и два литературных мемориала Уильяма Вордсворта: к истокам рождения новой эмоции / *Essay on Epitaph and two literary memorials by William Wordsworth: to the origins of a new emotion.*

6. Иусупова Кандилат, PhD, доцент кафедры иностранных языков и литературы Университета образования «Ренессанс» (Ташкент, Казахстан) **онлайн*

Female characters' inner world and early feminist thought in the novels by Emily Brontë and Jane Austen / Внутренний мир женских персонажей и идеи феминизма в романах Эмили Бронте и Джейн Остин

7. Юханова Алина Андреевна, аспирант Московского городского педагогического университета (Москва) **онлайн*

Трансформация образа романтической героини и преломление мотива любви в поэме Джона Китса «Ламия» / *The transformation of the image of the romantic heroine and the refraction of the motif of love in John Keats' poem Lamia*

8. Павлова Мария Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета (Томск) **онлайн*

Дневник Вальтера Скотта 1825–1832 гг. через призму контент-анализа / *Walter Scott's diary from 1825 to 1832 through the lens of content analysis*

13:50 – 15:00 Обед

9. Аблогина Евгения Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета (Томск) **онлайн*

«The Journal of Sir Walter Scott» как объект перевода / *The Journal of Sir Walter Scott as an object of translation*

10. Борисова Ксения Александровна, магистрант Государственного университета просвещения (Москва) **онлайн*

Пугачева Елена Юрьевна, к.ф.н., доцент, преподаватель кафедры английской филологии факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения (Москва) **онлайн*
«Нет, я не Байрон, я другой» - лингвокультурный образ Байрона / *'No, I am not Byron, I am another' - the linguocultural image of Byron*

11. Башилова Юлия Владимировна, к.ф.н., преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета (Москва) **онлайн*

Геопоэтический потенциал поэзии Дж. Г. Байрона с позиции лингвосемиотического исследования / The geopoetic potential of Lord Byron's poetry from the perspective of linguistic semiotics

12. Ксенжик Софья Сергеевна, ассистент кафедры иноязычного образования Московского педагогического государственного университета (Москва)
**онлайн*

Осквернение священного: искажение христианского символизма в стихотворении С.Т. Кольриджа «Кристабель» / Desecration of the sacred: distortion of Christian symbolism in S.T. Coleridge's poem *Christabel*

**Секция 2. Традиции английского романтизма
в современной мировой культуре /
Traditions of English Romanticism in
contemporary world culture**

10:30 – 17:00, ауд. 1314

Модераторы: *Ярослава Юрьевна Муратова (Литинститут)*

Евгений Вадимович Васильев (НГЛУ)

1. Муратова Ярослава Юрьевна, к.ф.н., ст. преподаватель кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького (Москва)
Мотивы романтической страсти и бунта в романе Дж. М. Кутзее «Бесчестье» / Motifs of romantic passion and rebellion in J. M. Coetzee's novel *Disgrace*

2. Разумовская Оксана Васильевна, к.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва) **онлайн*
Байрон как герой массовой литературы в дилогии Тома Холланда «Вампирские хроники» / Byron as a hero of popular literature in Tom Holland's *Vampire Chronicles* duology

3. Щукина Ангелина Александровна, ст. преподаватель кафедры иноязычного образования Московского педагогического государственного университета (Москва) **онлайн*
Мифопоэтика романа Ирис Мёрдок “Море, море”: античные и романтические архетипы в структуре современного британского романа / The Mythopoetics of Iris Murdoch's Novel *The Sea, The Sea*: ancient and Romantic archetypes in the structure of the modern British novel

4. Фрейман Полина Яковлевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва)
Восприятие творчества английских и американских романтиков в романах С. Коллинз / Perception of works of English and American Romantics in novels by S. Collins

11:50 – 12:30 Кофе-пауза

5. Гадирова Нилуфар Акбар, аспирант, Азербайджанский университет (Баку, Азербайджан) *онлайн

Сравнительный анализ поэзии Дж. Китса и У. Б. Йейтса / A comparative analysis of poetry by J. Keats and W.B. Yeats

6. Никулина Анастасия Андреевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии Луганского государственного педагогического университета (Луганск) *онлайн

Традиции романтизма и современный английский исторический роман / Traditions of Romanticism and the modern English historical novel

7. Стасяк Павел Валентинович, заведующий отделом маркетинга Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта (Беларусь, Минская область, деревня Озерцо) *онлайн

Феномен «байромании»: мифологизация лорда Байрона и трансформация байронического героя в современной массовой культуре / The phenomenon of 'Byronism': the mythologisation of Lord Byron and the transformation of the Byronic hero in contemporary popular culture

8. Васильев Евгений Вадимович, преподаватель кафедры международной журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Фильм «Франкенштейн» Г. дель Торо как авторская интерпретация романа М. Шелли / Film *Frankenstein* by G. Del Toro as an individual interpretation of Mary Shelley's novel

13:50 – 15:00 Обед

9. Музипов Радмир Ильдарович, магистрант Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва)

Фильм “Готика” Кена Рассела как модификация байопика о Байроне и чете Шелли / Ken Russell's film *Gothic* as a modification of the biopic about Byron and the Shelleys

10. Дуцева Алина Игоревна, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Нижний Новгород» (Нижний Новгород)

Рецепция рассказа М. Шелли *The Mortal Immortal* в рассказе Г. Дженкинса *Ms. Found in an Oxygen Bottle* / Reception of Mary Shelley's short story *The Mortal Immortal* in G. Jenkins' short story *Ms. Found in an Oxygen Bottle*

11. Казакова Алина Максимовна, магистрант Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва)

Символика зеркала в цикле К. Дабо «Сквозь зеркала»: романтическая традиция в образах вторичного мира романов-фэнтези / The symbolism of mirrors in K. Dabo's cycle *Through the Mirrors*: the romantic tradition in the images of the secondary world of fantasy novels

12. Антипова Наталия Анатольевна, к.иск.н., независимый исследователь (Севастополь, Калининград) *онлайн

Музыкальное воплощение рассказа Джона Полидори в опере «Вампир» Генриха Маршнера / The musical embodiment of John Polidori's story in Heinrich Marschner's opera *Der Vampyr*

13. Ли Цзя / Li Jia, аспирант кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

The Romantic tragedy trio in *The Herbivore Family* by Mo Yan / Трио романтической трагедии в «Семье Хербивор» Мо Яна

14. Курмелев Антон Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент, декан Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Байронический герой на американской сцене: демоническое обаяние и бунт против условностей в образах героев пьес Теннесси Уильямса / The Byronic hero on the American stage: the demonic charm and rebellion against convention in the characters of Tennessee Williams' plays

Секция 3. Ретроспективы английского романтизма: истоки идей, мотивов, образов / Retrospectives of English Romanticism: the origins of ideas, motifs, and images

10:30 – 13:00, ауд. 1313

Модераторы: Александр Александрович Куницын (МПГУ)

Юлия Николаевна Варпаева (НГЛУ)

1. Куницын Александр Александрович, к.ист.н., доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский педагогический государственный университет (Москва)

У. Годвин и ранние английские романтики С.Т. Кольридж и Дж. Телуолл / W. Godwin and the early English Romantics S.T. Coleridge and J. Thelwall

2. Целикова Дарья Эдуардовна, студент Высшей школы экономики (Москва)
Формирование идентичности поэта через поэзию Катулла в сборнике «Fugitive Pieces» лорда Байрона / The formation of the poet's identity through Catullus' poetry in Lord Byron's collection *Fugitive Pieces*

3. Малова Полина Романовна, студент Высшей школы экономики (Москва)
Ἄριστον μὲν ὄψωρ — but Gooseberry Pie Will Do: Southey Rewrites Pindar

4. Токмина Анастасия Игоревна, магистрант Российского государственного гуманитарного университета (Москва) *онлайн

Акустические образы в сонетах У. Шекспира и Дж. Китса как философия восприятия / Acoustic images in the sonnets of William Shakespeare and John Keats as a philosophy of perception

5. Ешич Ангелина Владимировна, магистрант Высшей школы экономики – Нижний Новгород (Нижний Новгород)

Об одной цитате из «Мыслей» Блеза Паскаля у С.Т. Кольриджа / On a quote from Blaise Pascal's *Pensées* by S.T. Coleridge

6. Толстоброва Елизавета Юрьевна, ст. преподаватель кафедры иноязычного образования Московского педагогического государственного университета (Москва) **онлайн*

Переосмысление трагического опыта У. Шекспира в сонете Д. Китса «On Sitting Down to Read King Lear Once Again» / Reinterpreting Shakespeare's tragic experience in Keats' sonnet *On Sitting Down to Read King Lear Once Again*

7. Иловайский Игорь Игоревич, магистрант Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва)

Дон Жуан лорда Байрона и модель донжуанства А. Камю как типологические двойники / Lord Byron's *Don Juan* and Albert Camus's model of Don Juanism as typological doubles

13:00 – 14:00 Обед

Секция 4. Английские романтики в России и о России / English Romantics in Russia and about Russia

14:30 – 16:00, ауд. 1313

Модераторы: *Вера Владимировна Сердечная (Краснодар)*

Юлия Николаевна Варпаева (НГЛУ)

1. **Сердечная Вера Владимировна**, д.ф.н., профессор кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета (Краснодар)

Штейнбах Кирилл Викторович, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета (Краснодар) **онлайн*

Русская рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон» / The Russian reception of William Blake's poem *Milton*

2. **Никульцева Виктория Валерьевна**, к.ф.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, доцент кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) **онлайн*

Щеров Владимир Иванович, к.ф.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий Московского государственного

университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Москва)
*онлайн

«Британец, сам клеймящий англичан...»: филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Байрон» / 'A Briton who brands the English himself...': a philological analysis of Igor-Severyanin's sonnet *Byron*

3. Сахарчук Анна Леонидовна, аспирант Государственного университета просвещения, научный сотрудник дома-музея И.С. Остроухова в Трубниках и Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва) *онлайн

Смысл заглавий в стихотворениях Дж. Байрона и М.Ю. Лермонтова: трансформация традиций / The meaning of titles in the poems of J. Byron and M.Yu. Lermontov: the transformation of traditions

4. Королева Светлана Борисовна, д.ф.н., заведующая научно-исследовательской лабораторией «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Образ России в художественном мире английских поэтов-романтиков: между мифом и историей / The image of Russia in the artistic world of English Romantic poets: between myth and history

5. Егорова Мария Анатольевна, учитель русского языка и литературы, Общеобразовательное частное учреждение «Школа Эрудит» (Москва)
*онлайн

Образ Наполеона в творчестве Дж. Байрона и М.Ю. Лермонтова: опыт сопоставительного анализа лирических произведений / The image of Napoleon in the works of Lord Byron and M.Yu. Lermontov: a comparative analysis of lyrical works

6. Варпаева Юлия Николаевна, ст. преподаватель кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

Создание атмосферы английского готического романа в русской литературной мистификации «Вампиры: из семейной хроники графов Дракула-Карди» Б. Олшеври / Creating the atmosphere of the English Gothic novel in the Russian literary hoax *Vampires: from the family chronicles of the counts Dracula-Cardi* by B. Olshevri

16:00 – 17:00 Подведение итогов конференции, общая дискуссия

(ауд. 3420)

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

О.А. Казнина

Религиозные и мистические источники поэмы

С.Т. Кольриджа «Кристабель»

В докладе рассматриваются религиозные, философские, аскетические и мистические источники поэмы С.Т. Колриджа «Кристабель». Предлагается оригинальная интерпретация смысловых и символических пластов поэмы, выделяются ключевые понятия, необходимые для расшифровки ее кода, раскрываются ее жанровые особенности. Известно, что Кольридж питал особое пристрастие к метафизическим вопросам и в кругу единомышленников получил звание «трансцендентального философа». В его «Литературной биографии», эссеистике и дневниках сохранились намеки на сложно исполнимый замысел поэмы. Этим записям и их расшифровке, а также рассмотрению круга чтения поэта в докладе уделяется особое внимание. На основе сопоставления этих материалов раскрывается традиция аскетической аллегории, которой следовал поэт. Показано также, что Колридж владел разными регистрами поэтического выражения: языком символов и исповедальной лирики, искусством проповеди и метафизического построения. Ход анализа ведет к выводу о том, что поэма «Кристабель» представляет собой аллгорию духовного испытания, сопоставимую с житийными и аскетическими произведениями.

Olga A. Kazina

Religious and Mystical Sources of S.T. Coleridge's poem *Christabel*

This paper examines religious, philosophical, ascetic, and mystical sources of S.T. Coleridge's poem *Christabel*. It offers an original interpretation of the poem's semantic and symbolic layers, highlighting key concepts necessary for deciphering its codes, and revealing its genre characteristics. Coleridge is known to have had a particular passion for metaphysical questions, earning the title of a "transcendental philosopher" among his peers. His *Biographia Literaria*, essays, and diaries contain hints of the poem's complex poetic intent. These notes and their interpretation, as well as an examination of the poet's readings, are given special attention in the paper. By comparing these materials, it is revealed that the poet followed, when composing *Christabel*, the tradition of ascetic allegory. It also demonstrates Coleridge's mastery of various registers of

poetic expression: the language of symbols and that of confessional lyricism, the art of sermonizing, as well as of metaphysical construction. The analysis leads to the conclusion that the poem *Christabel* is an allegory of spiritual trial, comparable to hagiographies and ascetic works.

Souad B. Berbar

Effects of *The Arabian Nights* on British Romantic Poetry

The earliest translations of *The Arabian Nights* or *One Thousand and One Nights* as they are called in Arabic appeared in French between 1704 and 1717, and in English in 1708 according to Marina Warner who pointed their enduring influence and profound impact on the West, from Voltaire to Goethe to Borges. *The Arabian Nights* offered a particularly powerful vision of an Oriental culture seemingly saturated with references to sensuality, extravagance, indulgence, violence, supernaturalism, and eroticism: the very things that the rising European powers were, for all their own obsessive interest in them, keen to disavow as elements in their own cultures as they sought to find ways to justify their conquest and rule over other peoples, particularly in Asia. *The Nights* added a supernatural dimension to the Enlightenment; they offered an avenue into Romanticism, an alternative to European identity, and an antidote to Neoclassicism. Not only did Romanticism develop out of the eighteenth-century interest in the Orient, of which *The Nights* long provided the key text, but Romanticism as we know it would not have developed without Orientalism, a point first articulated by Raymond Schwab in *The Oriental Renaissance*. My proposed paper seeks to trace the Oriental influences derived from *The Arabian Nights* on some poems of Byron, Southey, Coleridge, Moore and Shelley who all developed their poetry in the context of the West's burgeoning interest in Oriental tales. It aims at exploring the effects of certain Arabian tales and their adaptation into English Romantic poetry.

С.Б. Бербар

Влияние «Арабских ночей» на британскую романтическую поэзию

Самые ранние переводы «Арабских ночей» (или «Тысячи и одной ночи», как они называются в оригинале) появились на французском языке в период между 1704 и 1717 годами, а на английском – в 1708 году, согласно Марине Уорнер, которая указала на их глубокое воздействие на литературу Запада: от Вольтера до Гёте и Борхеса. «Арабские ночи» рисовали яркие образы восточной культуры, казались перенасыщенными чувственностью, роскошью, насилием, мистикой и эротикой — теми признаками, которые

европейские культуры, несмотря на свой острый интерес к ним, стремились отвергнуть со своей собственной культурной идентичности, пытаясь найти оправдание жажде завоевания и стремлению к господству над другими народами. «Ночи» сообщали Просвещению сверхъестественное измерение; они открывали путь к романтизму, становились альтернативой европейской рационалистичности и противоядием неоклассицизму. Романтизм не только вырос из интереса XVIII века к Востоку, центральным элементом которого долгое время была «Тысяча и одна ночь», но для его формирования ориентализм был жизненно необходим, что впервые сформулировал Рэймонд Шваб в работе «The Oriental Renaissance». Предлагаемый доклад ставит целью проследить восточные мотивы, заимствованные из «Арабских ночей», на ряд произведений Байрона, Саути, Кольриджа, Мура и Шелли, чья поэзия развивалась в контексте растущего интереса Запада к восточным сказаниям. Она нацелена на исследование способов рецепции отдельных сюжетов из этой книги в английской романтической поэзии.

Е.Б. Яковенко

Город Уитби (Whitby) в английской литературе эпохи романтизма

В докладе исследуется историко-культурное пространство города Уитби (Whitby) (Йоркшир), представленное в произведениях английской литературы эпохи романтизма. Задачи исследования включают, в частности, выявление жанровых особенностей произведений, содержащих описание данного города и его достопримечательностей, и, шире, анализ средств художественной репрезентации элементов культурно-исторического пространства города в соответствии с эстетическими идеалами эпохи. Город Уитби – литературная колыбель Англии, ассоциируемая с Кэдмоном – первым поэтом Англии (VII в.). Руины аббатства и прилегающая к нему церковь Пресвятой Девы Марии представлены в многочисленных литературных описаниях XIX–XXI вв. После рассказа о Кэдмоне в «Церковной истории англов» Беда Достопочтенного (VIII в.), Уитби появляется в английской литературе лишь в XIX в. и впервые заявляет о себе в литературном альманахе “The Whitby Treasury”. Изданный в 1838 г. усилиями местных писателей и поэтов, альманах включает разножанровые тексты: географические описания, исторические заметки, этюды, стихотворения, поучения, скетчи и т.д. – среди которых наибольший интерес представляют художественные описания города и его культурных доминант,

представленные с позиций романтизма. Как показывает анализ, эти описания строятся на оппозициях географического, исторического, социального характера: морская стихия – берег моря, бурное прошлое города – спокойное настоящее, аббатство – его мирское окружение и др.

Yekaterina B. Yakovenko

The space of Whitby in English Literature of the Romantic Epoch

This paper examines the historical and cultural space of Whitby (Yorkshire), as represented in works of English Romantic literature. The objectives of the study include identifying the genre characteristics of works describing the town and its landmarks and, more broadly, analyzing the means of artistic representation of elements of the town's cultural and historical space in accordance with the aesthetic ideals of the era. Whitby is the literary cradle of England, associated with Caedmon, England's first poet (7th century). The ruins of the abbey and the adjacent Church of the Blessed Virgin Mary are featured in numerous literary descriptions of the 19th-21st centuries. After the story of Caedmon in Bede's *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* (8th century), Whitby appears in English literature only in the 19th century, for the first time – in the literary almanac *The Whitby Treasury*. Published in 1838 by local writers and poets, the almanac included texts across various genres: geographical descriptions, historical notes, essays, poems, sermons, sketches, etc.—among which the most interesting were the artistic descriptions of the town and its cultural landmarks, presented from the Romantic perspective. The analysis shows that these descriptions were built on oppositions of geographical, historical, and social nature: the sea VS the seashore, the city's turbulent past VS its tranquil present, the abbey VS its secular surroundings, and so on.

Malcolm Kelsall

Jane Austen and the Ancient Régime. *Quis custodiet ipsos custodes?*

Jane Austen was a socially radical critic of the ancien régime in Britain, dissecting the corruption of what Thomas Paine called the 'Norman yoke' long imposed upon the nation. Consider the commonplace. Shortly after Austen moved to John Murray as her publisher, she was obliged to fulsomely dedicate *Emma* to the Prince Regent, the future George IV (whom she hated). Add the humiliation of the swift removal of her first love, Thomas Lefroy, lest he contract a socially inappropriate marriage with

dowerless Jane. Her status was that of a poor relation within the family, then the 'pensioned' spinster of Chawton. She sought independence through her writing – and did not succeed. I argue that in Austen's 'dark novels' *Mansfield Park* and *Persuasion* the British world is depicted as a world of corrupt social and political systems that goes downward through every gradation and degeneration, as well as the people they raised to the top of the social ladder.

Internal devastation and social and political injustice reflected in each other is an important theme in Austen's "dark novels." The economy of the Park is sustained by the slave plantations which Sir Thomas owns in the West Indies, and which demand his hands on, personal attention. Meanwhile, the Bertram's parasitism, conditioned by the entire British social and political system, leads the family to obvious, horrific spiritual and moral degradation. The end of corruption, Austen writes, is 'guilt and misery'. But, wise (and commercially minded) ironist, she leaves such 'odious subjects' on the periphery of the readers' attention, giving them no place in the central lines of the plot.

M. Келсалл

Джейн Остин и «старый порядок». *Quis custodiet ipsos custodes?*

Джейн Остин была противницей «старого порядка» Британии, яростно критикуя тот несправедливый социально-политический строй, который Томас Пейн назвал «норманнским игом», навязанным английскому народу. Взять простой пример. После того, как Остин стала сотрудничать с издателем Джоном Мюрреем, она была вынуждена посвятить свой новый роман «Эмма» принцу-регенту, будущему Георгу IV (которого ненавидела). Добавьте к этому унижение от того, что Томас Лефрой, в которого она была страстно влюблена, быстро отказался от ухаживаний за ней, чтобы не заключать брак с бесприданницей. Её социальное положение было не просто незавидным, но исключительно зависимым: сначала она была бедной родственницей в относительно благополучном семействе, затем - старой девой-«приживалкой» в деревушке Чоутон. Она искала независимости в писательстве – и не преуспела. Мой главный тезис состоит в том, что в «мрачных романах» Остин «Мэнсфилд-парк» и «Доводы рассудка» социально-политический мир Британии принципиально изображён как мир несправедливых социально-политических систем, которые в своем искажении правды опускаются всё ниже и ниже, как и люди, вознесенные ими на вершину социальной лестницы, приобщенные власти.

Связь между внутренним опустошением и социально-политической несправедливостью – важная тема «мрачных романов» Остин. Так, богатство поместья Мэнсфилд-парк, благополучие его обитателей обеспечивается рабовладельческими плантациями, которые принадлежат сэру Томасу в Вест-Индии и которые требуют его личного, неусыпного внимания. При этом паразитирование на других, заданное всей социально-политической системой Британии, приводит семейство Бертрамов к очевидной, страшной духовно-нравственной деградации. В конце любого искажения правды, утверждает Остин, – «вина и несчастье». При этом, будучи не только радикально мыслящим и ироничным человеком, но и автором, мыслящим рационально, в том числе, коммерчески, она не выдвигает эти «отвратительные темы» в центр повествования, оставляя их на периферии читательского внимания.

Т.А. Алпатова

**Русский и английский литературный контекст
«Университетской поэмы» В.В. Набокова: диалог с
романтизмом**

«Университетская поэма» В.В. Набокова рассматривается в докладе в аспекте многоуровневой историко-литературной игры автора, для которого ориентация на пушкинскую модель «Евгения Онегина» предполагала в том числе взаимодействие с литературным образом «диалога» с английской литературой, заложенного в «онегинском» тексте. При этом английский историко-литературный контекст оказывается как обрамлением, так и антитезой нескольких реминисцентных линий – от собственно «авторского» восприятия английской литературы до иронического «снятия» его возможностей благодаря обращению к «пушкинской Англии», в том числе «пушкинской версии» английской литературы, представленной в романе в стихах.

Роман в стихах «Евгений Онегин» в контексте поэмы Набокова функционально уподобляется таким онегинским претекстам, как «Мельмот-Скиталец» Ч. Мэтьюрина, «Дон Жуан» Д.Г. Байрона, а также составляющие его историко-литературный «фон» произведения С. Ричардсона и В. Скотта. Таким образом, непосредственное «присутствие» в «Университетской поэме» Набокова образа Байрона-студента, а также реминисценции из стихотворения Дж. Китса «Мечта» и самого образа поэта, дополняются более сложной скрытой системой историко-

литературных и культурных аллюзий, связанных с английским романтизмом, находящимся в сложных диалогических отношениях с русской литературой, воплощением которой для молодого Набокова безусловно является Пушкин.

Анализ «Университетской поэмы» в контексте отражения в ней не столько элементов отдельных национальных литератур, знаковых литературных фигур и «ключевых текстов», сколько именно диалога русской и английской литературы, позволяет предположить, что она стала одним из первых произведений писателя, определивших развитие его динамической диалогической поэтики, реализовавшейся в частности в рамках романов, которые вместе с «Университетской поэмой» составили своеобразную «университетскую трилогию» («Пнин» и «Бледный огонь»).

Tatiana A. Alpatova

**Russian and English Literary Contexts of
Vladimir Nabokov's *University Poem*:
a Dialogue with Romanticism**

Vladimir Nabokov's *University Poem* is examined in this paper in terms of the author's multi-level historical and literary interplay, for which the orientation towards Pushkin's model of *Eugene Onegin* implied, among other things, interaction with the literary image of 'a dialogue' with English literature embedded in the *Onegin* text. At the same time, the English historical and literary context serves as both a setting and an antithesis to several reminiscent lines – from the author's own perception of English literature to the ironic 'removal' of its possibilities through the reference to 'Pushkin's England,' including the 'Pushkin version' of English literature, presented in the novel in lyrics.

The novel in verse *Eugene Onegin*, in the context of Nabokov's poem, is functionally similar to such *Onegin* pretexts as Charles Maturin's *Melmoth the Wanderer*, Lord Byron's *Don Juan*, as well as the historical and literary background of the works of Samuel Richardson and Walter Scott. Thus, the direct 'presence' in Nabokov's *University Poem* of the image of Byron as a young man, as well as reminiscences from John Keats's poem *The Dream* and the image of the poet himself, are complemented by a more complex hidden system of historical, literary and cultural allusions associated with English Romanticism, which form a complex dialogical relationship with Russian literature, the embodiment of which for the youthful Nabokov was undoubtedly Pushkin.

The analysis of the *University Poem* in the context of its responses not so much to particular elements of individual national literatures, iconic

literary figures and 'key texts,' but rather the dialogue between Russian and English literature, suggests that it was one of the writer's first works to define the development of his dynamic dialogical poetics, which was realised in particular in the novels that, together with the *University Poem*, formed a kind of 'university trilogy' (*Pnin* and *The Pale Fire*).

Hadi Baghaei-Abchooyeh

**Eastern Mystical Poetry
in the Enlightenment–Romantic Dialogue**

This paper re-examines the Enlightenment–Romantic dialogue on Eastern mystical poetry through the mediating figure of Sir William Jones (1746–1794) and the poetry of S. T. Coleridge (1772–1834) and P. B. Shelley (1792–1822). Moving beyond standard readings of Romantic Orientalism, it foregrounds mediated transmission and distinguishes documented influence from analogy. Conceptually, it reads Jones's *Hymns to Hindu Deities* (1784–1789) as "creative translations" and traces their afterlives in Coleridge's *Dejection: An Ode* (1802) and Shelley's *Hymn to Intellectual Beauty* (1817). While Enlightenment critique and comparative scholarship first distil a transferable core from inherited religious forms, Romantic poetics reinvest that core with symbolic force. The paper traces this movement in Coleridge's *Dejection* and Shelley's *Hymn*. It depicts how Coleridge turns Jones's inward mysticism into a phenomenology of desolation and ethical benediction, while Shelley radicalises Jones's comparative theism into an aniconic Spirit of Beauty. Together, these readings exemplify a "demystify and re-mythologise" dialectic in which reason and imagination remain in dialogue.

Х. Багаи-Абчуйе

**Восточная мистическая поэзия в диалоге Просвещения и
романтизма**

В докладе переосмысливается диалог эпохи Просвещения и романтизма о восточной мистической поэзии через призму трудов «медиатора» сэра Уильяма Джонса (1746–1794) и поэзии С. Т. Кольриджа (1772–1834) и П. Б. Шелли (1792–1822). Выходя за рамки стандартных интерпретаций романтического ориентализма, статья выдвигает на первый план идею об опосредованном восприятии восточных образов в романтической поэзии и различает прямое влияние и аналогию. В моей концепции, «Гимны индуистским божествам» Джонса (1784–1789) есть «творческие переводы», чья дальнейшая судьба связана с такими текстами английских поэтов-романтиков как «Уныние: ода» Кольриджа (1802) и «Гимн

интеллектуальной красоте» Шелли (1817). При этом если критика эпохи Просвещения и сравнительные культурно-исторические исследования отделяют некое образно-смысловое ядро от унаследованных религиозных форм, романтическая поэтика наделяет это ядро символической силой. В статье прослеживается это движение в «Унынии» Кольриджа и «Гимне» Шелли. Показано, как Кольридж превращает внутренний мистицизм Джонса в феноменологию опустошения и этического благословения, в то время как Шелли радикализирует сравнительный теизм Джонса, превращая его в аниконический Дух Красоты. Вместе эти интерпретации демонстрируют диалектику «демистификации и ремифологизации», в которой разум и воображение остаются в поэтике романтизма и в отношениях с эпохой Просвещения в диалоге.

Н.М. Шахназарян

Истоки и жанровые формы драматургии английских романтиков: Кольридж, Байрон, Шелли

Драматургия английских романтиков разнообразна по жанровым формам, сюжетным источникам, восприятию традиций, образному языку и характеру основного конфликта. Объединяет их размывание границ между драмой и лирикой. Свои драматургические опыты они называли драматической поэмой («Заполья» (1817) С.Т. Кольриджа, «Манфред» (1817) Д.Г. Байрона), лирической драмой («Освобожденный Прометей» (1819) П.Б. Шелли), «пьесой для интеллектуального театра» («Каин» (1821) Д.Г. Байрона). Сюжеты при всем их разнообразии обнаруживают общую значимость Шекспира: «Зимняя сказка» и «Цимбелин» Шекспира оказались значимыми в этом отношении для «Заполья», Шелли в предисловии к «Освобожденному Прометею» говорит о влиянии Гомера и Эсхила, Данте и Шекспира, Мильтона и Драйдена. «Манфред» Байрона отражает влияние Шекспира и Гете.

Что касается традиций, образного языка и конфликта, в докладе предлагается рассмотреть подробно то, каким образом Кольридж в «Заполье» объединил шекспировскую и шиллеровскую традиции в русле поэтики романтической мелодрамы. Образный язык в «Заполье» Кольриджа связан с оппозицией языка аллегорий (фантазия) и символов (воображение), подчеркивающей конфликт между механическим способом мышления злодея (Эмерик) и органическим мышлением наделенного чувством совести и сострадательного воображения добродетельного героя (Заполья, Саролта). Пьеса состоит из двух частей: прелюдии («Фортуна

узурпатора»), в которой дается завязка мелодрамы (изгнание законного правителя Иллирии), и 4 актов сиквела (Фатум узурпатора), в которых раскрывается загадка героев-изгнанников, кульминация встречи Запольи со своим сыном, и, наконец, счастливое возвращение на родину законного правителя, свергающего узурпатора. Сказочный полет сквозь 20 лет направлен законом рождественского преображения благодаря божественной силе верной любви и сострадания, в связи с чем Кольридж называет свою драматическую поэму рождественской сказкой.

Narine M. Shakhnazaryan

Sources and Genre Forms of the Drama in English
Romanticism: Coleridge, Byron, Shelley

The drama of English Romantics varies in its genre forms, plot sources, perception of traditions, figurative language, and the nature of the main conflict. However, they demonstrate one significant tendency to synthesize drama and lyrics. They called their dramatic experiments “a dramatic poem” (S.T. Coleridge’s *Zapolya* (1817), Lord Byron’s *Manfred* (1817)), “lyrical drama” (P. B. Shelley’s *Prometheus Unbound* (1819)), and “a play for the mental theatre” (Lord Byron’s *Cain* (1821)). As for the plots and traditions, notwithstanding their diversity, the influence of Shakespeare in this aspect is evident, if not unanimous: Shakespeare’s *The Winter’s Tale* and *Cymbeline* proved significant in this regard for Coleridge’s *Zapolya*; Shelley in his Preface to *Prometheus Unbound*, described the influence of Homer and Aeschylus, Dante and Shakespeare, Milton and Dryden; Byron’s *Manfred* reflects the influence of Shakespeare and Goethe.

In terms of tradition, figurative language and conflict, the paper examines in detail how Coleridge in *Zapolya* combined Shakespearean and Schillerian traditions within the poetics of Romantic melodrama. The language of images in Coleridge’s play is associated with the opposition of the language of allegory (fantasy) and symbols (imagination), emphasizing the conflict between the mechanical way of thinking of the villain (Emerick) and the organic thinking of the virtuous hero with a sense of conscience and compassion (*Zapolya*, *Sarolta*). The play consists of two parts: a Prelude (*The Usurper’s Fortune*), which opens the beginning of the melodrama’s plot (the exile of Illyria’s legitimate ruler), and four sequel acts (*The Usurper’s Fate*), which reveal the mystery of the exiled heroes, the culmination of *Zapolya*’s meeting with her son, and, finally, the happy return of the legitimate ruler, who overthrows the usurper in his homeland. The miraculous journey through 20 years is guided by the law of Christmas

transfiguration thanks to the divine power of faithful love and compassion, leading Coleridge to define his dramatic poem as a Christmas tale.

Jonathan Gross

Byron's Mazeppa in Western and Eastern Europe

Was Byron a British writer or a European one? Why did his poem, *Mazeppa*, capture the European imagination to the extent that it did? More importantly, why was Byron so important, through French translations, in Russia and Poland? Paintings by Horace Vernet, a musical composition by Liszt, and an opera by Tchaikovsky remind us of the power of this story of a young man, stripped naked and tied to a horse, in punishment for an adulterous affair with Jean Casimir's wife, Teresa. An illustration by Richter portrays their dalliance as a chess game, where civilized frivolity results in catastrophic punishment. *Contrapasso*, in Dante's sense of the word. Having given way to his libertine desires, Mazeppa is strapped to a horse that returns to his native country the Ukraine. It is a subject Byron would return to in translating the Paolo and Francesca episode from Dante's *Inferno*, and correcting Leigh Hunt's *The Story of Rimini*, even while encouraging its publication with John Murray.

Most representations of *Mazeppa* make use of a frame narrator. An older narrator remembers a time when he was a mere "stripling". In doing so, drawing on Voltaire, they emphasize the importance of horses. As Blake wrote, "the wrath of tygers are wiser than the horses of instruction". The frame narrator of *Mazeppa* judges the status he gains as hetman of Ukraine against his youthful frolics with Teresa, the wife of a Polish nobleman, however, and prefers the vitality he felt as a youth. I compare and contrast Platonic metaphors of horsemanship and self control in Byron's *Mazeppa* with Pushkin's *Poltava* through the lens of Tchaikovsky's opera, *Mazeppa*. How does horsemanship and self-control become important to all three works? What do these diverse works of art teach about age and youth, eros and self-control? What does it mean to view the relationship of Mickiewicz, Pushkin, and Byron through the lens of Pushkin's *The Bronze Horseman*, where horsemanship is revisited as both terrifying and inspiring? I argue that the use of folk dance and music, a counterpart to military domination symbolized by horse riding (since the time of Marcus Aurelius's statue), allowed Tchaikovsky to create a transcendent art that honored Russian dance, Ukrainian music, and Polish elegance. Through the syncretic art form of opera, particularly as performed by the Kirov production, Tchaikovsky achieved an immersive experience that drew on the artistic creations of poets such as Byron, Mickiewicz, and Pushkin.

«Мазепа» Байрона в Западной и Восточной Европе

Байрон был британским или европейским писателем? Почему его поэма «Мазепа» так сильно захватила воображение именно европейского (а не английского) читателя? И, что ещё важнее, почему это произведение Байрона было так глубоко воспринято, благодаря французским переводам, в России и Польше? Картина Ораса Верне, музыкальные композиции Листа и опера Чайковского, - все они соотносятся с байроновским сюжетом о молодом человеке, раздетом догола и привязанном к лошади в наказание за соблазнение супруги Яна Казимира Терезы. Иллюстрации Г. Рихтера изображают их интимную связь как шахматную партию, однако расчет и куртуазное легкомыслие приводит героя к страшному наказанию. Это некое *contrapasso*, в дантовском смысле этого слова. Поддавшийся своему неукротимому желанию, Мазепа получает наказание в виде невольной скачки на вольном и неукротимом коне, который возвращается на родину – Украину. К этому сюжету Байрон возвращался дважды, переводя эпизод о Паоло и Франческе из «Ада» Данте и редактируя «Историю Римини» Ли Ханта, одновременно ведя с Джоном Мюрреем переговоры о ее публикации.

В большинстве произведений о Мазепе используется рамочный рассказчик. Герой вспоминает время, когда он был всего лишь «юнцом». При этом, опираясь на Вольтера, все авторы выделяют в его рассказе образ коня. Блейк писал, что «гнев тигров мудрее коней поучения». Так и рамочный рассказчик в «Мазепе» оценивает свой статус гетмана Украины, сравнивая его с юношеской влюбленностью в Терезу, жену польского шляхтича, и отдаёт предпочтение этому чувству. Я сравниваю и сопоставляю платоновские метафоры верховой езды и самообладания в «Мазепе» Байрона с «Полтавой» Пушкина через призму оперы Чайковского «Мазепа». Почему искусство верховой езды и самообладание становятся важными мотивами всех трёх произведений? К чему призывают эти произведения о возрасте и юности, эресе и самообладании? Какой результат может дать изучение взаимосвязи между творчеством Мицкевича, Пушкина и Байрона в пушкинском «Медном всаднике», если обратить внимание, что искусство верховой езды рассматривается в нем как нечто одновременно пугающее и вдохновляющее? Я отстаиваю мысль о том, что использование народного танца и музыки в противовес символизации социально-политического и военного господства (со времён статуи Марка

Аврелия связанной с образом всадника), позволило Чайковскому создать образец трансцендентного искусства, одновременно прославляющего русский народный танец, украинскую музыку и польскую элегантность. Благодаря синтетической природе оперы, особенно в исполнении Кировского театра, Чайковский достиг гармоничного сочетания эстетико-смысловых линий, заданных Байроном, Мицкевичем и Пушкиным.

Svetlana B. Koroleva

Byron's Venice and Pushkin's Petersburg: Responses

Imbedded in la Géopoétique of *The Bronze Horseman*

A.S. Pushkin's poem *The Bronze Horseman* has been studied for nearly two centuries. However, the issue of Pushkin's dialogue with Byron through the prism of "the Venetian text" as one of the contexts shaping the poem's imagery and semantic structure remains unexplored. My paper is aimed to argue that the image of Petersburg created in *The Bronze Horseman* (the starting point for the formation of "the Petersburg text" in Russian literature) is deeply and in many ways polemically oriented towards Byron's "Venetian text" in its four most significant 'elements': the fourth canto of *Childe Harold's Pilgrimage*, the *Ode on Venice*, the comic poem *Beppo*, and the tragedy *Marino Faliero, Doge of Venice*.

The very genre of the "St. Petersburg tale" alludes to the principle of "capturing" the spirit of the city in plot, theme, chronotope, and style, developed by Byron in his "Venetian tail" *Beppo*. By employing and modifying Byron's techniques of such "grasping," on the one hand, and sharply contrasting its humorous and comedic intonation with a serious one Pushkin reveals in the very character and nature of St. Petersburg the depth that correlates with the fractures of Russian history, as well as with cultural and social tensions it generates. At the same time, allusions to the image of Venice, as articulated in *Childe Harold, IV*, actualizes Renaissance associations in the Introduction of Pushkin's poem, and creates a dialogic correlation between the semantics of a familiar space and the semantics of an exceptional, exotic space; a realistic, prosaic detail with a romantic and symbolic one; a profane, humorous intonation with an elevated emotion, historically and mythologically burdened. Finally, in the third part of the Introduction and in the plot of *The Bronze Horseman* Pushkin alludes to historiosophical meanings of Byron's "Venetian text" through references to *Marino Faliero*, and thus he implicitly contrasts Byron's concept of history (as repeatedly unsuccessful attempts to create an eternally prosperous, righteous Empire) with a poetic invocation of a prosperous future for St. Petersburg and, at the same time, with profound

vision of the unstable foundations of post-Petrine statehood, in which the scope of political development and cultural construction coexists with severing family ties and the belittlement of man.

С.Б. Королева

**Венеция Байрона и Петербург Пушкина: аллюзии,
встроенные в геопэтику «Медного Всадника»**

Поэма А.С. Пушкина «Медный Всадник» имеет почти двухвековую историю изучения. Однако вопрос о диалоге Пушкина с Байроном на почве венецианского текста как об одном из значимых контекстов, формирующих образно-смысловую структуру поэмы, остался не исследован. Цель моего доклада - показать, что многоликий, противоречивый, историософски и мифологически обремененный образ Петербурга, созданный в поэме «Медный всадник» и ставший отправной точкой для формирования петербургского текста русской литературы, глубоко и во многом полемически ориентирован на венецианский текст Байрона в четырех его наиболее значимых воплощениях: четвертой песне «Паломничества Чайльд-Гарольда», «Оде к Венеции», шуточной поэме «Беппо» и трагедии «Марино Фальеро».

Сама жанровая природа «петербургской повести» опирается на принцип «схватывания» духа города в фабуле, сюжете, хронотопе и стилистике, выработанный Байроном в «венецианской повести» «Беппо». Используя и видоизменяя байроновские приемы такого «схватывания», с одной стороны, и резко противопоставляя ее шуточной интонации и комедийности интонацию серьезную, крепко спаянную с трагедийностью, Пушкин высвечивает в самом характере, природе Петербурга глубину, соотносимую со сломом в истории русской государственности, с порождаемым им культурно-социальным напряжением, с самой природой человека. В то же время, ориентация на образ Венеции, заданный «Чайльд-Гарольдом», актуализует во Вступлении «ренессансно-праздничные» ассоциации и формирует диалогическую соотнесенность семантики близко-знакового пространства – с семантикой пространства исключительного, экзотического; реалистически-прозаической детали - с романтической и символической; профанно-шутивного слова - со словом высоким, исторически и мифологически обремененным. Наконец, актуализация в третьей части Вступления и сюжете «Медного всадника» историософских смыслов «венецианского текста» Байрона через отсылки к «Марино Фальеро» имплицитно противопоставляет концепции истории как повторяющихся

безуспешных попыток человечества создать вечно процветающую благодатную империю, утопически-поэтическое призывание благополучного будущего Петербурга и глубокое осмысление неустойчивых оснований не империй вообще, но «послепетровской государственности», в которой размах политического развития и культуростроения соседствует с «пресечением родовых связей» и «умалением» человека.

Daniel J. Lindegger

Biography and Historical Context in the Romantic Writing of Lord Byron and Louis Aragon

This paper explores how the biographies and socio-political contexts of Lord Byron and Louis Aragon shaped the form, content, and emotional tone of their writing. Despite their different historical settings – Byron writing in early 19th century Europe during the Romantic era, and Aragon in 20th century France during periods of war, revolution, and political upheaval – both poets channelled personal experience and political engagement into a deeply emotive and ideologically charged body of work.

Lord Byron's poetry reflects his status as an aristocratic outsider in political exile. His personal scandals, turbulent love affairs, and disillusionment with society fed into the creation of the Byronic hero – proud, melancholic, rebellious, and doomed. His extensive travels and support for Greek independence further positioned him as a romantic figure deeply entwined with the cause of liberty. Poems such as *Childe Harold's Pilgrimage* and *Don Juan* illustrate how personal anguish and political idealism merged in his verse.

Louis Aragon, by contrast, emerged from avant-garde circles before aligning himself with communism and the French Resistance. His experience in World War I, and later in World War II, profoundly impacted his poetic voice. Aragon's love for Elsa Triolet became both a personal and symbolic refuge, with poems like *Les Yeux d'Elsa* blending intimate devotion with a broader call for hope and resistance. Unlike Byron's individualistic stance, Aragon's Romanticism is collective and politically engaged. Through a comparative lens, this paper argues that both poets used Romantic expression not only as a means of personal revelation but also as a response to the crises of their time. Their work demonstrates how deeply intertwined literature is with biography and history, and how Romanticism adapts across generations to reflect changing human and political realities.

Даниель Дж. Линдеггер

**Влияние биографии и исторического контекста на
«романтическое» творчество Луи Арагона и лорда Байрона**

В докладе сопоставляются биографические и социально-политические контексты творчества лорда Байрона и Луи Арагона и анализируются пути их вхождения в форму, содержание и эмоциональный тон их произведений. Несмотря на разные культурно-исторические условия (Байрон писал в Европе в эпоху романтизма, в начале XIX века, Арагон – во Франции в период войн, революций и политических потрясений XX века), оба поэта воплотили свой внутренний опыт и вовлеченность в политическую жизнь общества в глубоко эмоциональном и идеологически насыщенном творчестве.

Поэзия лорда Байрона во многом отражает его положение аристократа-«аутсайдера» в политическом изгнании. Его бурные любовные связи и разочарование в обществе послужили источником вдохновения для создания образа байронического героя — гордого, меланхоличного, бунтарского и обреченного. Его многочисленные путешествия и поддержка греческого освободительного движения укрепили репутацию романтической личности, ведущей непримиримую борьбу за свободу. В его поэмах «Паломничество Чайльд Гарольда» и «Дон Жуан» воплотились политические идеалы, убеждения и трудный жизненный путь поэта.

Луи Арагон, в отличие от Байрона, не сразу увлекся политикой: он был поэтом-авангардистом, прежде чем вступить в ряды французских коммунистов и бойцов Сопротивления. Но, подобно Байрону, он воплотил свой опыт участия в большой истории – Первой мировой войне, а затем и во Второй мировой войне – в своем поэтическом творчестве. Любовь Арагона к Эльзе Триоле стала для него большим событием частной, внутренней жизни и одновременно поэтическим символом: так, в стихотворении «Глаза Эльзы» выражение интимного чувства сливается с призывом к надежде и сопротивлению. При этом, в отличие от романтизма Байрона, выражающего позицию отчужденности, отъединенности ото всех, «романтическое» творчество Арагона содержит пафос единства с народом, призыв к политической борьбе. С помощью сравнительного анализа произведений двух поэтов в докладе доказывается, что язык романтизма есть не только средство вхождения исповедальности в литературу, но и способ выражения социально-политических идей, отвечающих на кризисные явления

эпохи. В творчестве Байрона и Арагона литература одинаково тесно сплетена с биографией и историей, «романтизм» же обоих поэтов равным образом отражает как их собственную внутреннюю жизнь, так и политические реалии.